

трубадурам величия российской императрицы, требовавшей от поэтов служения не красоте, а монархии, точнее — царствующей монархине. «Ода и глас Патриота хороши Поэзией, а не Предметом. Оставь, мой друг, писать такие пиесы нашим стихокропателям. Не унижай Муз и Аполлона», — писал Карамзин Дмитриеву, недвусмысленно выражая свое отношение к одической поэзии.²²

Не учитывать этой особенности теории Карамзина нельзя, ибо отказ от лести, видимость независимости, противопоставление красоты корыстолюбию и подобострастию — одна из основных причин успеха Карамзина в читательских кругах и неприязни со стороны Екатерины II.

Общая установка Карамзина на отражение в искусстве «красоты физического и нравственного мира» сказывается на его частных оценках литературных явлений и общих требованиях, предъявляемых к писателям.

В важнейшей для понимания литературно-теоретических взглядов Карамзина статье — предисловии ко второй книжке «Аонид» — он говорит: «Поэзия состоит не в надутом описании ужасных сцен Натуры, но в живости мыслей и чувств. Если стихотворец пишет не о том, что занимает его душу; если он не раб, а тиран своего воображения, заставляя гоняться за чуждыми, отдаленными, не свойственными ему идеями; если он описывает не те предметы, которые к нему близки, и собственную силу влекут к себе его воображение; если он принуждает себя или только подражает другому (что все одно): то в произведениях его не будет никогда той живости, истины или той сообразности в частях, которая составляет целое и без которой всякое стихотворение (несмотря даже на многие счастливые фразы) похоже на странное существо, описанное Горацием в начале эпистолы к Пизонам».²³

Несомненно важным и плодотворным было указание, что произведение не будет подлинно художественным, если оно не отмечено печатью оригинальности, если автор не имеет своего собственного поэтического голоса, своего отношения к изображаемому, если то, о чем он пишет, не продумано, не прочувствовано. Мысль, что истинный поэт «находит в самых обыкновенных вещах пиитическую сторону», умеет «малое делать великим», оправдывала и обосновывала бытопись Державина, открывала путь в поэзию частной жизни рядового человека. Для XVIII в., века одической поэзии, полезна была насмешка над «бомбастом», «громом слов», оглушающим читателя. «Не надобно также беспрестанно говорить о слезах», — предупреждает автор стихотворения «К соловью», видя потоки, заливающие страницы журналов.

Талантливого поэта раздражает однообразная форма выражения мысли, передача только внешнего проявления чувства, тра-

²² Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 50.

²³ «Аониды», кн. II, стр. VI—VII.